

Размышления над книгой

А. В. КЕССЕНИХ

УЧЕНЫЕ СИБИРИ В БИОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА*

I. Предисловие

Выпущенный авторским коллективом под руководством С. Ф. Фоминых труд пополнил не слишком многочисленный круг изданий, посвященных истории науки и высшей школы Сибири. В трех томах словаря представлен материал, который позволяет читателю познакомиться с ключевыми моментами развития науки в Томске и отчасти в прилегающих регионах.

В связи с завершением этой масштабной работы хочется поднять вопрос о «региональности» в науке, т. е., во-первых, о проблеме размещения научных и образовательных учреждений на пространствах России, а во-вторых, о влиянии на развитие науки в регионе местных географических, экономических и культурных факторов.

Ученые Томского государственного университета (ТГУ) вносили и вносят значительный вклад в изучение местных особенностей и богатств Сибири, особенно таких ее регионов, как Горный Алтай и Нарымский край, бассейн р. Лены и Саяны. Например, блестящий филолог и этнограф А. П. Дульзон (1900–1973, т. 3, с. 141–145), сосланный в Томск в 1941 г. из АССР немцев Поволжья, исследовал обычаи и языки местных народностей (кетов, селькупов, чулымских тюрков). Важнейшие исследования регионов Сибири проводили биологи, географы, геофизики и геологи томских вузов и научно-исследовательских институтов. В интересах промышленности и сельского хозяйства Сибири поддерживается существование и долговременное развитие отдельных научных, в основном прикладных, направлений. Например, развитие металлофизики в ТГУ и во втором крупнейшем вузе Томска — Томском политехническом институте (ТПИ) с конца 1920-х гг. было тесно связано с развитием металлургии и металлообработки в Кузбассе, а также с проблемами эксплуатации изделий из металла в условиях сибирских морозов. В такой сосредоточенности местных ученых на местных же проблемах или на развитии традиционных научных направлений нет ничего зазорного. Важно учесть тяжелые природные

* Профессора Томского университета / Ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. Т. 1 (1888–1917 гг.). 283 с. 1998. Т. 2 (1917–1945 гг.). 540 с. 2001. Т. 3 (1945–1980 гг.). 532 с.

условия Сибири, удаленность Томска от европейских центров науки, особенности проблем транспорта и связи на этих огромных пространствах.

Незавидное в материальном плане существование науки в периферийных регионах России делало ее провинциальной (читай: отсталой и вторичной). Все успехи томских ученых, как можно видеть из «Биографического словаря», связаны с преодолением этой притесненности и второрядности.

Большинство собранных в «Словаре» биографий указывает, во-первых, на преобладание среди ведущих научных кадров города приезжих, а во-вторых, стремление томских профессоров завершать свой жизненный и научный путь в условиях более комфортных и более пригодных для интенсивных занятий наукой, нежели условия Сибири. Но постепенно среди профессоров ТГУ стали появляться, а потом преобладать коренные томские и сибирские кадры (сначала по опыту работы, потом по образованию, а потом и по рождению).

II. Томская наука и высшая школа в региональном контексте

400 лет тому назад в районе нынешнего Томска обитали полуоседлые племена томских татар. Попытки местных жителей обосноваться на удобных для скотоводства и земледелия землях терпели крах из-за постоянных набегов степняков-кочевников. Татарский князь Тоян бил челом царю Борису Годунову и просил завести на Томи русский город. В 1604 г. отряд казаков и стрельцов под началом Г. И. Писемского и В. Ф. Тыркова вблизи от места слияния рек Томи и Ушайки построил острог и крепость с деревянными стенами. Первая фаза существования и развития Томска была связана с отражением многочисленных набегов кочевников, с созданием центра русской культуры — Томского монастыря, с экспедициями томских казаков в Китай и на берега Охотского моря, а также в другие места Сибири. Отчасти по итогам томских экспедиций С. У. Ремезов составил «чертеж земли сибирской». Земли вокруг Томска заселялись служилыми людьми и беглыми крестьянами и считались «государевой пашней». Местные племена перенимали от русских культуру земледелия и домашнего скотоводства, перемещивались с русскими поселенцами. Роль Томска возросла после того как в 1730–1740-х гг. через город был проложен Сибирский тракт Москва — Иркутск — Кяхта. По некоторым источникам¹, первое научное открытие в области физики в Томске было сделано в 1734 г. — казак Петр Саломатов, которого Гмелин обучил пользованию приборами, наблюдал замерзание металлической ртути (в термометрах и барометрах).

Культурным городом до второй половины XIX в. Томск назвать было никак нельзя. Так, в издании «Очерки истории города Томска

¹ Гмелин И. Г. «Путешествие в Сибирь»; цит. по: Заплавный С. А. Рассказы о Томске. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1980. 318 с.

(1604–1954)»² указывается, что в 1789 г. в Томске функционировали лишь томское двухклассное духовное училище при монастыре и «народное училище» с общим числом учеников около 40 человек. Но и это выделяло Томск на фоне сибирской глухомани. Определенный рост культурного уровня населения стал наблюдаться после образования в 1804 г. Томской губернии. В 1838 г. была открыта томская мужская гимназия, в 1848 г. в Томске впервые выступила труппа странствующих актеров. С 1822 г. по 1860-е гг. томский гражданский губернатор являлся одновременно и главным начальником алтайских заводов, а в Томске находилась Горная канцелярия. В 1847–1850 гг. эту должность занимал инженер П. П. Аносов, изобретатель процесса переделки чугуна в сталь и способа получения булатной стали. С 1847 по 1863 гг. 96 % добычи серебра в России, огромные по тем временам объемы добычи и выплавки свинца, меди, золота и железа давала тогдашняя Томская губерния (фактически Алтай). В те же примерно годы Томск пережил краткий, но бурный период «золотой лихорадки». Центром добычи золота стали окрестности Мариинска в полутора сотнях верст от Томска. Золотые прииски были открыты и вблизи от самого Томска в верховьях р. Ушайки. Появились новые богачи, в городе выросло немало каменных зданий (их число более чем удвоилось за 15 лет и достигло 50), но запасы золота были исчерпаны за два десятилетия. Видимо, правление Аносова сыграло свою роль в укреплении образованной прослойки.

Примерно в тот же период в Томске появились некоторые крупные фигуры из политических ссыльных. В 1846 г. сюда был переведен декабрист инженер Г. С. Батеньков, в 1850 г. — петрашевец Феликс Толль. Немало было в городе и ссыльных поляков, нередко весьма образованных людей.

В 1860-е гг. зародилось сибирское сепаратистское движение. Яркими представителями этого движения были в то время петербургские студенты, уроженцы Томска Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев и И. Н. Наумов. Отбыв небольшие сроки тюремного заключения, они вернулись в родной город и вновь попытались создать общество «Независимость Сибири», которое снова было разогнано. Потанин стал известным экономистом, историком и географом, а Ядринцев и Наумов — писателями. Каждый из них положил немало сил на пропаганду идеи основания в Томске Сибирского университета.

Еще на рубеже XVIII–XIX вв. эту идею практическими действиями поддерживал известный промышленник П. Г. Демидов. Он положил на счет будущего Сибирского университета (тогда предполагалось, что университет будет открыт в Тобольске) 100 тысяч рублей. Впоследствии к этой сумме добавились многочисленные пожертвования других предпринимателей, среди которых выделяются З. М. Цибульский и И. М. Сибиряков. В 1870-е гг., когда вопрос об открытии университета в Сибири почти перешел в практическую плоскость, на роль сибирского университетского цен-

² Очерки истории города Томска (1604–1954) / Ред. С. И. Мурашов и др. Томск: Изд-во Управления культуры Томского облисполкома, 1954. 324 с.

тра претендовали Томск, Иркутск, Красноярск, Барнаул, Омск, Тюмень (два последние города оттеснили на задний план ставший заштатным Тобольск). Все сибирские города середины XIX в. мало напоминали будущие научные центры. Непролазная грязь, антисанитария, постоянные эпидемии летом, сугробы, наполовину заносившие дома, зимой — вот что было характерно для всех них, даже для Омска, резиденции генерал-губернатора Сибири. Однако Томск имел некоторые преимущества по сравнению с любой другой кандидатурой — был не столь отдален от столиц, как Иркутск и даже Красноярск, имел намного более здоровый климат, чем основанный среди засушливых степей Омск, обладал значительно большим, чем любой из его конкурентов, кадровым потенциалом. Последнее обстоятельство и решило вопрос в пользу Томска. Среди его жителей были настойчивые, грамотные пропагандисты идеи основания университета. Ядринцев и его соратники убедили сторонников основного конкурента — Иркутска объединить свои усилия вокруг более продвинутой кандидатуры Томска против тогдашнего центра генерал-губернаторства Омска. В 1865 г. в Томск приехал в качестве смотрителя духовного училища Петр Иванович Макушин. Он открыл в городе публичную библиотеку, затем организовал на кредит, взятый у томских заводчиков, книжную торговлю. Нашелся человек — Василий Маркович Флоринский, безупречная репутация которого у высших сановников позволяла официально доверить ему пост попечителя будущего Императорского Томского университета и всего Сибирского округа. Флоринский получил среднее образование в духовной семинарии, высшее медицинское — в Германии, был сначала профессором Военно-медицинской академии в Петербурге, затем стал членом коллегии министерства просвещения, профессором Императорского Казанского университета и заранее был утвержден попечителем будущего университета в Томске. Решение об открытии университета было принято Государственным Советом 1 мая 1878 г. вопреки сопротивлению обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева. В 1880 г. было заложено здание университета, а в 1888 г. на его единственном тогда медицинском факультете начались занятия. В 1896 г. было принято решение об открытии в Томском университете второго факультета — юридического.

В последнее десятилетие XIX в., когда новый университет вставал на ноги, готовился к окончательному пуску в эксплуатацию Великий сибирский железнодорожный путь. По первоначальному плану дорога должна была пересечь Обь у Колывани и пройти через Томск далее к Красноярску. Однако в 1893 г. был реализован более экономичный вариант прокладки пути с переходом Оби у деревни Кривошеково (на сотню километров выше по течению Оби по сравнению с первоначальным вариантом). До сих пор среди томичей жива (впрочем, никак не подтверждаемая архивными материалами) легенда, что сами томские купцы и извозопромышленники дали «кому надо» взятку, чтобы не подрывали их бизнес. Как говорится, это слишком похоже на правду, чтобы быть правдой. Так родился Новосибирск (тогда Новониколаевск), а Томск остался в стороне от магистраль-

Томский университет

ной железной дороги, с которой был связан железнодорожной веткой Тайга—Томск длиной 87 км.

Такое решение предопределило потерю Томском значения «сибирской столицы». Но это произошло далеко не сразу. Правление Томской железной дороги так и осталось в Томске. До 1925 г. город оставался губернской столицей. В начале века Томск был важнейшим центром образования в Сибири. В 1900 г. открылся Томский технологический институт, а в 1902 г. — Томский учительский институт. Здесь функционировали две гимназии, реальное училище, духовная семинария, несколько частных школ и различные курсы. В городе практически сложилась единая образовательная система. Начиная именно с этого момента, дальнейшее развитие науки и высшего образования в Томске можно во многом проследить по материалам «Биографического словаря». В 1905–1914 гг., после бурных революционных лет, выступлений студентов и рабочих, увеличивалось число переселенцев в Сибирь, происходил рост промышленности. Это были годы развития Томского технологического института, организации Сибирских высших женских курсов и развития ТГУ. После февральской революции наконец-то открылся долгожданный первый в Сибири физико-математический факультет Томского университета, а потом и историко-филологический факультет.

В период Гражданской войны Томск переходил от «красных» к «белым» и обратно. С середины 1918 до конца 1919 гг. город был глубоким тылом сибирской директории, а затем режима Колчака. Сюда в 1918 г. эвакуировали профессоров и других специалистов из Казани, когда оттуда выбивали белочехов, и в 1919 г. из Перми, когда оттуда отступали колчаковцы. Предпринимались попытки привлечь эвакуированных к участию в учебном процессе. Биографии таких временно работавших в ТГУ профессоров также имеются в «Словаре», хотя они, как правило, не отличаются полнотой. Заметим, что многие молодые люди, не желающие прерывать своего образования, в этот период обучались в Томском университете (в 1919 г. там числилось 4900 студентов и вольнослушателей), среди них стоит упомянуть будущего лауреата Нобелевской премии Н. Н. Семенова.

После окончательной победы в Сибири советской власти в 1922 г. Томск посетил А. В. Луначарский, убедивший власть в необходимости поддерживать учебные заведения Томска. Однако в 1925 г. случилось то, что назревало с основания Новониколаевска, — была упразднена Томская губерния. Все сибирские губернии были упразднены и создан Сибирский край со столицей в Новосибирске (так называли бывший Новониколаевск). Позднее Томск входил в Западно-Сибирский край (1930–1937) и в Новосибирскую область (1937–1944).

В 1920-х гг. научно-технический потенциал Томска остался востребованным и был умножен. В городе был создан политехникум, в 1928 г. организован Сибирский физико-технический институт (СФТИ), функционировали рабфаки, проводились наборы в вузы «парттысячников» и т. д. Из европейских центров высшего образования и науки, преимущественно из Ленинграда, в Томск направлялись научные кадры.

Конец 1920-х — начало 1930-х гг. были ознаменованы многократными и не всегда логичными перестройками и реорганизациями в системе высшего образования СССР. В эти годы в Томске возникли новые специальные технические вузы (их существование было зачастую недолговечным), но главное — из ТГУ выделился Томский медицинский институт и, также на базе ТГУ, образовался Томский педагогический институт. Перед войной Томский университет был третьим в СССР по числу кафедр после Московского и Ленинградского (51 кафедра).

После нападения фашистской Германии на СССР многие ученые Томска ушли на фронт, оставшиеся отдавали много сил оборонной работе и обеспечению тыла в трудных военных условиях. Комитет томских ученых, действовавший в эти годы, возглавил авторитетный биолог, профессор ТГУ Б. П. Токин (1900–1984, т. 2, с. 421–428). В период Великой Отечественной войны в Томск были эвакуированы и смогли продолжить свою работу по специальности многие ученые из европейской части СССР.

В 1944 г. из состава Новосибирской области выделены Кемеровская, а затем и Томская области. Томск снова стал «столицей». Однако в Томскую область не вошла даже узловая железнодорожная станция Тайга, а вошли лишь районы лесоразработок и глухие таежные районы, в том

числе и местности, населенные коренными народами Сибири. Лесоразработки в те годы были связаны с использованием труда заключенных, а еще через пару лет вблизи от Томска начали создавать мощную секретную базу для производства оружейного плутония Томск-7 (ныне Северск). Во всяком случае, одним из первых новых зданий областного центра стало областное управление МВД на проспекте Кирова.

За годы советской власти, особенно после эвакуации в Томск в 1941 г. ряда московских и других крупных предприятий, Томск стал серьезным промышленным центром. База для размещения наиболее важных из эвакуированных предприятий (завод «Шарикоподшипник», электроламповый завод и т. д.) была подготовлена еще перед войной — тогда в Томске создавались небольшие предприятия аналогичного профиля. Рост промышленности сопровождался и активным развитием системы высшего образования. Уже в 1940 г. в семи высших учебных заведениях Томска обучались 9500 студентов, а в 1954 г. — 13600. Почти половина из них обучалась в Томском политехническом институте, росла численность студентов ТГУ. В краткой вводной статье третьего тома «Словаря» бегло перечислены многочисленные реорганизации, связанные с открытием и закрытием факультетов и кафедр ТГУ. Добавим, впрочем, что тенденция к росту числа кафедр и факультетов в целом преобладала. Ту же тенденцию можно отметить и в случае ТПИ. В «Словаре» сообщается, что к 1980 г. в ТГУ было 12 факультетов. Для многих советских университетов (и отчасти даже для МГУ) была характерна дифференциация факультетов практически в соответствии с «госзаказом», может быть, с заказом ВПК: в ТГУ работали и работают до сих пор три физических факультета (физический, радиофизический и физико-технический) и два математических (механико-математический и прикладной математики и кибернетики). Ежегодно в 1955–1990 гг. до 3000 выпускников томских вузов направлялись на работу в народное хозяйство, науку и образование. Примерно к середине 1950-х гг. вопрос о самовоспроизводстве томского высшего образования был решен, и Томск сделался «кузницей кадров» для Сибири и для всего СССР. Выезд из города специалистов, очевидно, стал преобладать над въездом, чему способствовала острота жилищной проблемы.

Дальнейший количественный, да и качественный рост собственно томской науки автоматически ограничивался плохим качеством и недостаточным объемом жилищного строительства, материального и продовольственного снабжения города. В 1956 г. было принято решение о создании Сибирского отделения АН СССР (СО АН). Президиум СО АН был, разумеется, размещен в Новосибирске, и статус научного Томска тем самым был снова относительно понижен. Лишь впоследствии в городе были также созданы три новых института СО АН: Химии нефти и Оптики атмосферы, выросших на базе ТГУ, а также Институт сильноточной электроники, основанный на базе Института ядерной физики при ТПИ. После 1970 г. по инициативе нового академика В. Е. Зуева (см. ниже) был заложен Томский академгородок.

В 1970-е гг. экономическое положение региона укрепилось. Заметно улучшились бытовые условия в городе. Открытие на севере области крупных месторождений нефти и их интенсивная разработка, приход в город нефтепровода и газопровода, электрической и тепловой энергии с атомных электростанций Северска привели к ликвидации энергодефицита. Позитивная деятельность Е. К. Лигачева на посту первого секретаря Томского обкома КПСС привела к улучшению продовольственного снабжения и жилищного строительства в городе. В эти годы быстро росли новые сибирские университеты в Барнауле, Кемерово, Красноярске, Тюмени, важнейшее положение в системе высшего образования Сибири занял Новосибирский университет, где профессорско-преподавательский состав был значительно сильнее, чем в Томском. Но наиболее значительную часть научных и научно-педагогических кадров всей Сибири, включая и Новосибирск, составляли выпускники томских вузов.

III. Быть профессором Томского университета...

В 1888 г. профессор Томского университета на свой годовой оклад мог съездить в Москву и обратно до 40 раз, а в 1988 г. — до 50 раз. Вплоть до недавнего времени профессор университета был достаточно уважаемым и обеспеченным человеком. Во времена основания Императорского Томского университета жалование профессора в Томске было в полтора раза выше, чем у профессора в европейской части России. «Сибирский коэффициент» существовал и при советской власти, хотя не всегда и в меньшем размере. Понятно, что его применение оправдано и связано не только с дороговизной жизни, но, прежде всего, с удаленностью от центра, от библиотек, архивов и музеев. Этот фактор не теряет своего влияния на научную жизнь и в век Интернета. Разумеется, проблемы финансирования научных исследований, их материального оснащения и обеспечения научной литературой всегда стояли в Сибири очень остро. Здесь автору этих строк трудно удержаться от того, чтобы не привести пример из истории младшего собрата ТГУ Иркутского государственного университета. В одной из публикаций ИГУ, кстати, посвященной измерению теплопроводности льда, выполненной в физическом кабинете Иркутского госуниверситета, без всяких оговорок так и было сказано: «Бедность физической литературы в Иркутске не позволяет нам судить о том, насколько наш метод оригинален»³.

Из бытовых неудобств практически во все времена на первый план выступали невысокое качество и недостаточное количество жилья. Так, во вступительной статье к третьему тому «Словаря» о томских профессорах сказано: «Многие из них с семьями вынуждены были жить в деревянных неблагоустроенных домах, коммуналках, “профессорском

³ Арцыбашев С. А., Парфианович И. А. Определение коэффициента теплопроводности льда // Журнал Российского физико-химического общества. Ч. физ. 1928. Т. 60. Вып. 3. С. 409.

доме» — обычном деревянном здании, стоявшем в Университетской роще...» (т. 3, с. 5), — преподаватели ТГУ обычно называли этот дом профессорским баракком. Так было до 1957 г. В последующие годы положение с жильем постепенно улучшалось, но многих своих сотрудников и, возможно, будущих профессоров томские вузы теряли из-за проблем с предоставлением квартир. В городе при советской власти практически всегда имелись затруднения в снабжении продовольствием. В первом томе «Словаря» старательно сопоставлены доходы томского профессора и цены на томском рынке, естественно, на конец XIX в. При советской власти подобная статистика, видимо, стала секретной или, во всяком случае, непопулярной.

Для создания серьезных научных школ в регионе было и прямое препятствие. Финансирование научных исследований и снабжение дефицитным оборудованием, особенно импортным, было для провинциальных регионов весьма скромным. Насколько эти два фактора — бытовые условия для персонала и материальное обеспечение исследовательских работ — влияют на уровень научных школ региона, можно было судить уже через 5–10 лет после создания Академгородка в Новосибирске.

За сто лет (если считать со дня основания университета) профессорами ТГУ, согласно данным «Словаря», побывали 450 человек. В трех томах словаря собраны биографии примерно 450 штатных, а также некоторых прикомандированных профессоров, преподававших в Томском государственном университете в течение первого столетия его функционирования. Примерно 115 из них — специалисты в области «точных» естественных наук (математики, механики, астрономии, физики и химии, отчасти технических наук). Примерно 150 ведущих ученых Томского университета были задействованы в таких отраслях естествознания, как география, геология, биология. Около 85 — профессора гуманитарных кафедр (юристы, историки, филологи). Исторически сложилось так, что с Томским университетом связана судьба более 100 профессоров-медиков (медицинский факультет функционировал в рамках ТГУ свыше 40 лет).

Есть много интересных вопросов, которые можно попытаться поднять, опираясь на материал «Словаря». Можно рассмотреть, например, миграцию профессорских и вообще научно-педагогических кадров в Томск и из Томска на примере профессорского контингента ТГУ. Тонкий вопрос — где начинается провинциальность в науке и не является ли она естественным продолжением чрезмерно выпячиваемой региональности — можно попытаться решить, анализируя биографии коллег по ТГУ и сопоставляя их между собой. В какой-то мере мы попробуем это сделать, но, естественно, на доступном нам материале.

Виртуальное существование Императорского Томского университета на начальном этапе (1878–1888) породило некоторое количество виртуальных же профессоров, имена которых связаны с его основанием. Были приглашены, но не поехали в Томск крупнейшие русские ученые Д. И. Менделеев и И. П. Павлов (см. вводную статью к т. 1). Почти виртуальным было

годовое пребывание в должности ректора университета Николая Александровича Гезехуса (1845–1919, т. 1, с. 77–80). Пробы в Томске около года (1888–1889), он вернулся в Петербург.

Свой путь в Томск и из Томска проделали и многие другие профессора первой волны (т. 1 «Словаря»). Например, Борис Петрович Вейнберг (1871–1942) в 1893 г. закончил Петербургский университет, в 1893–1909 гг. преподавал в Санкт-Петербурге и в Одессе, с 1909 г. был ординарным профессором кафедры физики ТТИ, с 1910 г. — приват-доцентом Томского университета. Специальностью Вейнберга был земной магнетизм (заметьте, что среди российских физиков конца XIX — начала XX вв. геофизики явно преобладали). Он организовал 23 экспедиции по изучению магнитного поля Земли в разных местностях Сибири вплоть до Арктики и Монголии. В 1924 г. переехал в Ленинград.

Упомянем еще некоторых физиков, химиков и математиков. Залесский Станислав Александрович (1858–1917), профессор по кафедре общей химии. Маршрут: Варшава — Дерпт — Томск (1888–1894) — Петербург. Вернер Евгений Валерианович (1843–1907), профессор по кафедре общей химии. Маршрут: Казань — Одесса — Кронштадт — Томск (1894–1903), уехал из Томска на родину в Бессарабию. Капустин Федор Яковлевич (1856–1936), профессор по кафедре физики, родом из Томска. Маршрут: Петербург — Томск (1889–1903) — Петербург. Орлов Петр Павлович (1859–1937), профессор по кафедре общей химии. В Томске участвовал в многочисленных геологических экспедициях, занимался растворами, кристаллохимией, изучал радиоактивность природных объектов. Маршрут: Москва — Томск (1904–1924) — Ярославль (уехал из Томска по болезни). Пospelов Александр Петрович (1875–1948), физик. Маршрут: Варшава — Томск (1911–1922) — Ростов-на-Дону — Воронеж — Москва. Был деканом физико-математического факультета ТГУ в 1917–1921 гг. и ректором ТГУ в 1918–1921 гг. Имел работы в разных областях физики, преимущественно учебно-методического плана.

Итак, в дореволюционный период профессора приезжали в Томск на «выдвижение» и зачастую, проработав несколько лет, возвращались в европейскую часть России. Более длительное время провели в Томске физик Вейнберг и химик Орлов, увлекшиеся проблемами региона и отдавшие много сил для его исследования. Достоин уважения первый профессор-математик ТТИ и ТГУ Владимир Леонидович Некрасов (1864–1922), которого увлекла программа организации высшего образования в регионе. В сопоставлении с физиками и химиками намного более преданными новому месту работы выглядели биологи и геологи, которые находили для себя неограниченные возможности для исследований региональных проблем. Примером может служить подвижническая жизнь и научная деятельность Порфирия Никитича Крылова (1850–1931, т. 1, с. 125–132), основателя ботанического сада и гербария в Томском университете, неутомимого исследователя флоры Сибири, который еще в 1885 г. на подводах и водным путем доставил из Казани в Томск множество растений для сада.

Среди профессоров-мигрантов можно выделить «невольных» гостей — эвакуированных и сосланных. Это В. А. Ульянин, физик, эвакуированный из Казани, в Томске работал с 1918 по 1920 гг.; эвакуированные из Москвы в 1941 г. крупнейший физиолог П. К. Анохин (т. 2, с. 31–34), известный астроном К. Л. Баев (т. 2, с. 34–36). Д. Д. Иваненко, физик, сосланный из Ленинграда, работал в Томске с 1935 по 1938 гг.; Измаильский В. А., химик, эвакуированный в 1941 г. из Москвы, в Томске создал препарат камфоры для вливаний. Названные выше при первой же возможности покинули Томск.

Н. Н. Горячев, астроном из Перми, М. Н. Иванов, математик, эвакуированный из Казани в Томск в 1919 г., Н. А. Прилежаева, физик, сосланный из Ленинграда в 1935 г., напротив, остались в Томске на всю жизнь, долго и успешно работали.

Краткое время, но плодотворно работали в Томске трое ученых из Германии, эмигрировавшие в СССР, спасаясь от национал-социалистического режима.

В 1934–1936 гг. профессором по кафедре математики работал Стефан Бергман (т. 2, с. 51–52). Потом он уехал в Тбилиси, а после войны в США. К сожалению, данные о нем в «Словаре» неполны.

Трагически, как у многих эмигрантов-антифашистов, сложилась судьба выдающегося немецкого специалиста по математической физике Фридриха Макса Нетера (1884–1941, т. 2, с. 311–314). В Томске он успешно работал, сотрудничая с местными специалистами и передавая им свой опыт, с 1934 по 1937 гг., когда был безвинно арестован. В сентябре 1941 г. его расстреляли в Орловской тюрьме.

Есть сведения о специалисте по математической физике и радиофизике, ученике Нетера по высшей политехнической школе в Бреслау, Г. Г. Бэрвальде (т. 2, с. 79–80). Появление его в Томске не было случайным. Видимо, он был приглашен по инициативе своего учителя. В 1935 г., будучи выдающимся специалистом в области распространения электромагнитных волн в диспергирующих средах (тематика, полностью соответствующая развернувшимся тогда работам по созданию ионосферной станции при Сибирском физико-техническом институте), был приглашен в Томск. В 1936 г. под руководством В. Н. Кессениха с его участием была пущена в эксплуатацию первая в СССР стационарная ионосферная станция. В смутном 1937 г. Бэрвальду удалось, официально разорвав контракт, благополучно уехать из СССР. По данным последующих выпусков Поггендорфа, Г. Г. Бэрвальд в 1960-х гг. был еще жив и работал в США⁴. К сожалению, не только в 1937–1953 гг., но и позднее в некоторых советских изданиях при цитировании статьи 1936 г. в ЖТФ четырех соавторов⁵ об ионосферных исследованиях фамилия Бэрвальда опускалась.

⁴ Poggendorff J. C. Biographisch-literarisches Handwörterbuch der exakten Naturwissenschaften. Berlin: Akademie-Verlag, 1967. Bd. VIIa. Teil 1. S. 79.

⁵ Кессених В. Н., Булатов Н. Д., Бэрвальд Г. Г., Денисов В. Г. Ионосферные наблюдения во время полного солнечного затмения 19 июля 1936 г. в г. Томске // Журнал технической физики. 1937. Т. 7. Вып. 12. С. 1238–1252.

Заметим, что в «Словаре» достаточно полно отражена трагическая судьба той части томской профессуры, которая подверглась репрессиям в 1937 г. (Г. В. Трапезников, Л. А. Вишневский, И. И. Котюков и др.). В 1949 г. репрессии обрушились на томских геологов. В частности, четыре профессора-геолога ТГУ по решению ОСО провели четыре года в местах хотя и «не столь», но все-таки отдаленных от Томска (Красноярский край от Норильска до Красноярска). Среди них И. К. Баженов (1890–1982, т. 2, с. 37–43), А. Я. Булынников (1892–1972, т. 2, с. 66–70), М. И. Кучин (1887–1963, т. 2, с. 254–259), В. А. Хахлов (1899–1972, т. 3, с. 451–457). В 1951–1953 гг. они как заключенные работали в геологических экспедициях и организациях. В 1954 г. все они были реабилитированы и вернулись в Томск.

Важнейшую роль в развитии науки в Томске вплоть до 1960-х гг. играли, разумеется, работавшие в течение длительных сроков профессора и преподаватели, приглашенные в Томск как начинающие исследователи и педагоги, но уже с определенным опытом научно-педагогической работы. Важное событие в формировании коренных кадров в ТГУ произошло в начале 1920-х гг.: к преподаванию в Томском университете приступили первые выпускники физмата ТГУ. Среди них были будущие профессора физмата М. А. Большанина (1898–1984, т. 2, с. 57–61) и В. М. Кудрявцева (1899–1950, т. 2, с. 207–211). Эти замечательные женщины были, во всяком случае по части образования, коренными томичками: они окончили не только физмат ТГУ, но и известную в городе Мариинскую женскую гимназию. В 1932 г. закончил ТГУ Павел Парфентьевич Куфарев (1909–1968, т. 2, с. 249–254), первый коренной томич, ставший профессором математики в ТГУ. Еще будучи студентом, он пытался перевестись в МГУ или в ЛГУ, но профессор Вишневский предпринял энергичные меры, чтобы удержать талантливого студента в Томске. Уже будучи заведующим кафедрой, Куфарев был в 1944 г. утвержден в звании профессора. Еще в 1941 г. скончался его предшественник профессор Ф. Э. Молин, известнейший математик, прибывший в Томск из Дерпта. Работал в Томске в 1932–1944 гг. профессор Николай Павлович Романов (1907–1972, т. 2, с. 376–377), всемирно известный специалист в области теории чисел. Материал о Романове в «Словаре» неполон, между тем в справочном труде⁶ указано, что после Самарканда он работал в Ташкенте (1951–1972). В 1944–1958 гг. Куфарев, став преемником Романова в Томске, был чуть ли не единственным профессором математики в Сибири.

Яркой была судьба первого томского академика-физика Владимира Дмитриевича Кузнецова (1887–1963, т. 2, с. 215–226). Его небогатая внешними событиями, но наполненная повседневным трудом на благо науки и образования жизнь подробно описана в «Словаре». В 1911 г. молодой, но уже имевший опыт технической, исследовательской и педагогической дея-

⁶ Бородин А. И., Бугай А. С. Выдающиеся математики. Киев: Радянська школа, 1987. С. 450.

тельности Владимир Дмитриевич начал работу в Томске (ТТИ, Высшие женские курсы) под руководством Б. П. Вейнберга. Его увлекала педагогическая и научно-методическая работа и отличало стремление излагать все понятное им самим для сведения учеников и коллег. Его «методички» по задачам физического практикума до сих пор хранятся в фондах многих библиотек, включая Российскую государственную библиотеку. С 1916 г. Кузнецов читает физику на физико-математическом факультете ТГУ. Вскоре он проявляет себя недюжинным организатором, сумев создать в 1918 г. Сибирские мастерские учебных пособий. В 1923–1926 гг., а также в 1933–1936 гг. он был деканом физико-математического факультета. В 1924 г. Кузнецов выступил с восемью докладами на IV съезде физиков СССР⁷. В адрес Сибревкома было направлено письмо с поддержкой работ по физике в Томске, который был назван одним из крупнейших научных центров страны, с просьбой о создании в городе «первоклассной физической лаборатории» («Словарь», там же). Благодаря усилиям Кузнецова в 1924 г. при ТТИ был основан Институт прикладной физики, преобразованный в 1928 г. в Сибирский физико-технический институт.

Создание СФТИ было событием того же порядка, что и организация Украинского физико-технического института в Харькове, Уральского физико-технического института в Свердловске, Физико-технического института в Днепропетровске. Однако его дальнейшая судьба сложилась иначе, чем у его «молочных братьев», которые ушли «под руку» Наркомтяжпрома. Поскольку с самого начала кадровые составы СФТИ и физмата ТГУ практически совпадали, институт в 1932 г. был включен в состав Томского университета. Кроме того, если ученым, работавшим в ЛФТИ и УФТИ, удалось создать работы мирового уровня, то хорошие работы СФТИ имели скорее региональное значение. Кузнецов в 1929–1933 гг. стал первым избранным директором СФТИ. Он руководил этим институтом также в 1936–1960 гг. В. Д. Кузнецов совместно с М. А. Большаниной и другими своими учениками и коллегами создал пятитомный труд «Физика твердого тела». При общей старомодности проблематики (практически не описаны квантовые теории твердых фаз, лишь небольшое место уделено кристаллографии и теории симметрии), этот труд содержал важнейшие для практики металлообработки данные и выводы.

Таков был путь первого академика Сибири (он получил степень доктора без защиты в 1934 г., стал членом-корреспондентом АН СССР в 1946 г., а академиком в 1958 г.). Имя Кузнецова было присвоено СФТИ. В настоящее время научную школу, основанную Кузнецовым в Томске, возглавляет коренной сибиряк В. Е. Панин (род. в 1930 г., т. 3, с. 277–283).

В 1928 г. в Томск для работы в СФТИ и ТГУ прибыл Петр Саввич Тартаковский (1895–1940, т. 2, с. 413–416). Уже в 1924 г. на IV съезде русских физиков в Ленинграде он представил один из немногих докла-

⁷ IV Съезд русских физиков в Ленинграде (15–20 сентября 1924 года). Л.: Научное химико-техническое изд-во, 1924. С. 1–7.

дов, где обсуждались проблемы квантовой теории⁸. Тартаковский тяготел к физике диэлектриков и полупроводников, изучал эффекты пробоя, фотопроводимости и т. д. В 1930–1932 гг. он был заместителем директора СФТИ, но на этом посту проработал недолго — сказались, видимо, и «плохая» анкета (на родине, в Киеве, он был в 1923 г. арестован якобы за антисоветскую деятельность), и неважное здоровье. Он успешно работал на физико-математическом факультете (с 1929 г. — в должности заведующего кафедрой теоретической физики), выполнил ряд исследований квантовых эффектов в кристаллах металлов и диэлектриков, читал курс теоретической физики. Наконец, в 1937 г. Тартаковский был уволен и уехал в Ленинград, где в Политехническом институте возглавил кафедру технической электроники. Среди его учеников в Томске была будущий профессор ТГУ В. М. Кудрявцева.

В 1929 г. в Томск приехал молодой выпускник Ленинградского политехнического института (1926) Моисей Израилевич Корсунский (1903–1976), специалист в области физики твердого тела, атомной и ядерной физики, будущий автор одного из первых учебных пособий по ядерной физике, выдержавшего затем еще четыре издания⁹. Его биографии в словаре нет, что объясняется чисто формальной причиной: он «служил» в Томске, но не «дослужился». Занимая в 1931–1932 гг. должность заведующего физическим отделением ТГУ, он был «только» доцентом, но не профессором (т. 2, с. 498). Однако Корсунский упоминается, например, в авторитетном биографическом справочнике Храмова «Физики»¹⁰. По косвенным данным можно судить, что его влияние в ТГУ было ощутимым. Например, в «Словаре» сказано, что Фелициана Игнатьевна Вергунас (1911–1980, т. 3, с. 73–75) в 1932 г. окончила физико-механическое отделение, была переведена в рентгеновскую лабораторию СФТИ, где специализировалась по физике атомного ядра, а в 1936 г. в ЛФТИ под руководством И. В. Курчатова выполнила исследование сечения при столкновении нейтронов с протонами, ставшее ее кандидатской диссертацией (т. 3, с. 74). Ясно, что руководителем по этой специальности вряд ли мог быть кто-нибудь иной, кроме Корсунского. Жаль, что формальные рамки «Словаря» скрыли от читателя некоторые важные эпизоды развития в Томске физических исследований. Сам Корсунский покинул Томск в 1934 г., когда стало ясно, что ядерная физика и изучение квантовых эффектов в твердых телах не стали в ТГУ и СФТИ приоритетными направлениями. Впоследствии он работал в Ленинграде, Харькове и Алма-Ате.

По материалам соответствующих биографий (периодической смены руководства на физфаке ТГУ и в СФТИ), в четырехугольнике М. И. Корсунский — П. С. Тартаковский — В. Д. Кузнецов — В. Н. Кессених отслеживаются перипетии борьбы научных направлений и стилей руководства. К со-

⁸ IV Съезд русских физиков в Ленинграде (15–20 сентября 1924 года). Л.: Научное химико-техническое изд-во, 1924. С. 96–98.

⁹ Корсунский М. И. Атомное ядро. М.-Л.: Гостехиздат, 1949. 308 с.

¹⁰ Храмов Ю. А. Физики. Биографический справочник. 2-е изд. М.: Наука, 1983. С. 141–142.

жалению, и общественная атмосфера того времени не способствовала деловому и научному сотрудничеству.

В. Н. Кессених прибыл в Томск из Ростова-на-Дону в 1930 г. и в течение последующих одиннадцати лет работал в ТГУ. Он возглавлял СФТИ (1933–1936), был проректором ТГУ, успел создать серьезные работоспособные научно-технические школы по электромагнитной дефектоскопии (совместно с А. Б. Сапожниковым (1899–1980, т. 3, с. 367–373) и др.) и радиозондированию ионизированных слоев атмосферы — совместно с Г. Бэрвальдом, А. И. Лихачевым (1906–1991, т. 3, с. 227–229) и др. В 1940 г. он защитил на физическом факультете МГУ докторскую диссертацию «Энергетические соотношения в колебательных системах», его официальными оппонентами были известные радиофизики С. М. Рытов и С. Э. Хайкин. Это была высокая оценка его научной квалификации. В августе 1941 г. Владимир Николаевич добровольно вступил в ряды действующей армии. Находясь в 384-й дивизии на Северо-Западном фронте, он занимал должность помощника заместителя командира дивизии по связи, затем служил в штабе фронта, где за освоение армейских радиостанций и оснащение их антеннами оригинальной конструкции был награжден орденом Красной Звезды. С начала 1943 г. В. Н. Кессених продолжил службу в качестве начальника лаборатории Центрального научно-исследовательского института связи Советской Армии (ЦНИИС СА) в г. Мытищи Московской обл. В 1947 г. ему было доверено работать экспертом в советских делегациях по международному распределению радиочастот в мире и Европе. По совместительству с работой в ЦНИИС СА он был в 1943 г. приглашен в МГУ, где возглавил новую кафедру распространения радиоволн и некоторое время в 1946 г. даже исполнял должность декана физического факультета. На кафедре с 1943 по 1953 гг. защитили кандидатские диссертации не менее 7 человек. Но в 1953 г. он возвратился в Томск.

Отъезд ученого из Томска, а потом возвращение в этот город были для томской науки событиями почти уникальными, так что хочется рассмотреть предположительные причины такого поворота в биографии В. Н. Кессениха. Вернемся к периоду 1936–1938 гг., когда в Томске еще работал Д. Д. Иваненко. Среди молодых физиков-теоретиков он, видимо, выделил выпускника ТГУ Арсения Александровича Соколова (1910–1986). В период эвакуации физического факультета МГУ в Свердловск Иваненко и Соколов объединились на кафедре теоретической физики уже Московского университета, вместе с которой они и приехали в Москву. В 1943 г., когда сотрудники МГУ постепенно возвращались в Москву, среди влиятельных сотрудников физического факультета оказались также профессора Николай Сергеевич Акулов (1900–1976) и Анатолий Александрович Власов (1908–1975). Важную роль играл Александр Саввич Предводителев (1891–1973), член-корреспондент технического отделения АН СССР. Выдвинулся молодой теоретик Яков Петрович Терлецкий (1912–1993), заметной фигурой в партийных кругах МГУ стал Василий Федорович Ноздрев (1913–1990). Важную организационную роль играл

Федор Андреевич Королев. Все вышеупомянутые вошли в руководящую группу физфака, к которой примкнул и В. Н. Кессених. Эта «неформальная» группа была объединена противостоянием физическому сообществу Академии наук СССР. Они считали, что занимаемое каждым из них положение недостаточно высоко. Тандем Иваненко — Соколов (этим ученым принадлежало несколько книг по теоретической физике), возможно, считал себя альтернативой «космополитическому» тандему Ландау — Лифшиц. Акулов, как это хорошо известно, считал себя, а не Н. Н. Семенова творцом теории цепных реакций, выдающийся физик А. А. Власов оказался противовесом еще более выдающимся (но якобы склонным к физическому идеализму) физикам И. Е. Тамму и В. А. Фоку и т. д. В 1948 г. томич А. А. Соколов стал деканом физического факультета МГУ. В это же время над советскими физиками нависла угроза идеологически-патриотического погрома, подобного (по словам В. Н. Кессениха) «оздоровительной буре, которая пронеслась в биологической науке» (готовилось так называемое «Совещание по организации преподавания физики в СССР»¹¹). Идеологи физфакской группировки своим оружием выбрали обвинения против ведущих физиков СССР в идеализме и космополитизме. Но совещание, как известно, не состоялось. Слишком важным делом были заняты в это время лучшие кадры академической физики — дело шло к первому испытанию ядерного оружия в СССР.

В. Н. Кессених, как наиболее уязвимый из группировки, первым подвергся ответным мерам. В 1952 г. в ЦНИИС СА сократили его супругу, а его самого отчислили со службы в резерв, что, очевидно, было связано с национальностью Ревекки Михайловны Кессених. Когда же Владимир Николаевич демобилизовался и написал заявление о переходе в МГУ на постоянную работу, последовал отказ ректора в зачислении его на физический факультет (ректор И. П. Петровский безоговорочно поддерживал академических физиков). Предложениям случайной работы в московских вузах Владимир Николаевич предпочел возвращение в Томск. Ревекку Михайловну пригласили на преподавательскую должность в Томский политехнический институт, и это было первое приемлемое предложение за полгода безуспешных поисков работы (август-декабрь 1952 г.). Через полтора года после этого группировка, к которой ранее принадлежал В. Н. Кессених, была лишена руководящей роли на физфаке МГУ в результате известного постановления ЦК КПСС от августа 1954 г.¹²

В марте 1953 г. Владимир Николаевич Кессених, возвратившись из Москвы, где он проработал почти 10 лет, приступил к научной и организационной работе в ТГУ. В сентябре 1953 г. он возглавил новый радиофизический факультет ТГУ. Кроме успешной работы по специальности, он стремился утвердить в Томске новые направления подготовки кадров. Об этом

¹¹ Сонин А. С. «Физический идеализм» (История одной идеологической кампании). М.: Издательская фирма «Физико-математическая литература», 1994. С. 117.

¹² Андреев А. В. Физики не шутят. Страницы социальной истории научно-исследовательского института физики при МГУ (1922–1954). М.: Прогресс-традиция, 2000. 320 с.

в «Словаре» сказано так: «В 1955 г. группа студентов и аспирантов Кессениха под руководством его ученика П. П. Бирюлина начала заниматься прикладными вопросами теории информации» (т. 2, с. 193). Решение задач по распространению радиоволн требует огромных объемов вычислительных работ. В середине 1950-х гг. в СССР, наконец, появилась возможность автоматизировать эти вычисления. Как рассказал нам сам П. П. Бирюлин, фамилия которого более десяти раз упоминается на страницах третьего тома «Словаря», ректор ТГУ А. П. Бунтин¹³ одобрил предложение Владимира Николаевича закупить в Пензе одну из первых отечественных ЭВМ и установить ее в главном корпусе университета.

Финансирование развернутых работ по запуску и применению ЭВМ для решения прикладных задач было обеспечено хозяйственно-договорными работами с Министерством обороны. К сожалению (для Томска), П. П. Бирюлин, уроженец Подмоскovie, выпускник кафедры распространения радиоволн МГУ, не дождавшись обещанной квартиры, уехал в 1960 г. из Томска на работу в Бийск, а через 15 лет вернулся в Москву. Среди первых руководителей быстро развивающейся специальности «вычислительная математика» «Словарь» отмечает Г. А. Медведева (род. в 1935 г., т. 3, с. 249–253; ныне работает в Минске), А. Д. Закревского (род. в 1928 г., т. 3, с. 149–152; ныне работает в Минске), братьев Ф. П. Тарасенко (род. в 1932 г., т. 3, с. 413–416; ныне работает в Томске, создал научную школу) и В. П. Тарасенко (род. в 1934 г., т. 3, с. 410–413; ныне активно работает в Томске).

В третьем поколении томских профессоров выдвинулся Владимир Евсеевич Зуев (род. в 1925 г., т. 3, с. 158–168), ученик Натальи Александровны Прилежаевой, который после окончания физического факультета поступил в аспирантуру ТГУ, где обучался в 1951–1954 гг. Владимир Евсеевич после защиты кандидатской диссертации переключился на исследование оптическими методами атмосферных аэрозолей. Для этой цели были применены лазеры. В 1964 г. Зуев стал доктором физико-математических наук. Он сформировал в рамках СФТИ большой научный коллектив, в 1969 г. на основе этого коллектива в Томске был создан Институт оптики атмосферы (ИОА) СО АН СССР. В 1970 г. вышла монография Зуева «Распространение видимых и инфракрасных лучей в атмосфере». При ИОА было создано конструкторское бюро научного приборостроения «Оптика». Будучи избран членом-корреспондентом АН СССР, Зуев проявил недюжинные способности организатора, курируя создание Томского академгородка. В 1979 г. по инициативе Зуева было создано Томское отделение СО АН СССР, а он сам был в 1981 г. избран академиком АН СССР. Среди его учеников более 100 кандидатов и 40 докторов наук, три члена-корреспондента РАН, двое из них — М. В. Кабанов и С. Д. Творогов — работают в Томске. Масштабы этой научной школы, известной во всем мире школы лазерного зондирова-

¹³ Химик Александр Павлович Бунтин (1902–1985, т. 2, с. 71–75), получивший звание профессора в Воронеже и в 1935 г. направленный в Томск, был ректором ТГУ с 1954 по 1960 гг.

ния и изучения инфракрасных спектров атмосферы, были ранее немислимы для Томска.

В самые высокие сферы отечественной науки делегировал Томск Геннадия Андреевича Месяца (род. в 1936 г. в Кемерово, т. 3, с. 253–259). Интересно, что его вклад в науку в значительной мере связан с работой в Институте оптики атмосферы. В 1958 г. он закончил электротехнический факультет Томского политехнического института, работал в НИИ ядерной физики при ТПИ и занимался физической электроникой и высоковольтной импульсной техникой. Однако сильноточная электроника имеет прямое отношение к разработке мощных импульсных лазеров. В 1969 г. Геннадий Андреевич создал в ИОА отдел сильноточной электроники, коллектив которого под его руководством открыл новое явление взрывной эмиссии (эмиссии «эктонов» — коротких, но мощных электронных лавин). В 1977 г. Месяц возглавил Институт сильноточной электроники (ИСЭ) СО АН в Томске, а осенью 1985 г. переехал в Свердловск, где продолжил работу в Институте электрофизики Уральского отделения АН СССР. В настоящее время Г. А. Месяц — вице-президент РАН и работает в Москве. Институт, основанный им в Томске, продолжает функционировать. Это уже новый уровень участия в развитии региональной науки: уходя — оставаться... Или лучше сказать — оставлять. Прежние профессора, уходя, оставляли отдельных учеников, затем отдельные направления, а на сей раз остался целый институт. Два института — СФТИ при ТГУ через сорок лет после своего основания и НИИЯФ при ТПИ через двадцать лет после своего основания — породили два новых мощных современных института — ИАО и ИСЭ.

IV. Попытки обобщения

Почти 115 лет тому назад, в конце XIX в., здесь, на восточном рубеже университетского пояса Евразии, расположенного между 55-м и 57-м градусами северной широты (в этот пояс входят Эдинбург и Копенгаген, Москва и Казань), был дан старт истории Томского университета. Сначала возник медицинский факультет, а через восемь лет — юридический. Научное сообщество мира и Европы делало очередной шаг на Восток. И все начиналось, как в XVI в. на западном рубеже этого пояса в Эдинбурге: сначала в 1505 г. — медицинский колледж, потом, в 1535 г. — юридический. Но время шло быстрее, чем на исходе средних веков. Все-таки до Ньютона необходимость физико-математического образования осознавалась не так остро, как после Планка и Эйнштейна.

В крупных центрах наука невольно испытывает процесс кластеризации: выделяются кусты или группы, в советское время весьма сильны были кластеры ведомственные, в любое время завязываются естественные связи между учреждениями, близкими по тематике. Кластеризация в удаленных, обособленных центрах происходит естественно. Так, в начале XX в. в Томске были три высших учебных заведения, но кадровая база у них была еди-

ная, а отсюда и некоторые темы научных исследований становились общими. Общность тематики, взаимопомощь — это ценность, которую было бы очень жаль потерять.

Итак, региональный компонент науки: исследования региона, формирование общенаучной тематики в соответствии с интересами учреждений и жителей региона, в соответствии с особенностями региона, с учетом достижений уже сложившихся школ. Это также привлечение человеческого потенциала по принципу «где родился, там и пригодился», очень важному для России. Завершая наш беглый обзор истории науки в Томске, отталкивающийся от «Биографического словаря профессоров ТГУ»¹⁴, вспомним некоторые ключевые слова. Сначала: сибирские морозы, замерзание, лед. Потом уже другое: радиозондирование, инфракрасная спектроскопия, лазеры, импульсная электроника. Теперь эти понятия оказались так же тесно связанными с Томском, как и понятия из предыдущего ряда.

Настойчивые и талантливые исследователи в условиях отдаленного и не слишком уютного города еще в первые десятилетия существования Университета добивались многого, что было не в последнюю очередь обеспечено функционированием научной среды на базе исторически сложившихся центров естественно-научного образования в ТГУ и ТПИ (ТТИ). В то же время крушение попыток привить еще в 1930-е гг. к стволу томской университетской науки ядерную физику, очевидно, обусловлено тем самым фактором, который можно назвать провинциализмом, т. е. кардинальной нехваткой финансов и ресурсов, на которую бывает иногда удобно списать и откровенное непонимание проблем и отсутствие квалификации.

Вставная «новелла» о судьбе В. Н. Кессениха в Москве, целиком принадлежащая автору этих строк, рассказывает о сугубом провинциализме, распутившемся пыльным цветом в самом центре советской науки, но в какой-то мере зародившемся на томской почве.

В целом справочник позволяет проследить по отдельным важным вехам роль Томска в научном сообществе России, СССР, всего мира. Работа настолько обширна и многогранна, что некоторые упущения не снижают ее ценности. По некоторым из них мы постарались привести материалы, дополняющие данные «Словаря». Мы также рады сообщить, что в текущем году должен выйти четвертый том словаря (в трех частях), содержащий дополнения к предыдущим томам и биографии профессоров, работавших в ТГУ с 1980 г.

¹⁴ См. также: Некрылов С. А., Фоминых С. Ф. Первый сибирский университет // Слово о земле томской. 2002. № 1. С. 15-20.

Менделеев Д. И. К познанию России. М.: Айрис-Пресс, 2002. 576 с.

Прежде всего хотелось бы поблагодарить издательство «Айрис-Пресс» за первую после 90-летнего перерыва публикацию не изъеденного цензурой текста программного сочинения Д. И. Менделеева «К познанию России». Однако этим перечень благодарностей, пожалуй, исчерпывается. И вот почему.

Как сказано в аннотации, «специалистам и просто любознательным читателям» этот сборник менделеевских демографических, социально-экономических и антиспиритических работ «даст богатую пищу для сопоставлений и размышлений» (с. 4). А как выясняется из выходных данных (с. 562), книга представляет собой «научное издание», что, разумеется, предъявляет к работе составителей (Н. А. Костяшкин и Е. М. Гончарова) определенные требования. Что же в итоге получилось?

Сборник открывается вступительной статьей Р. К. Баландина «Обыкновенный гений» и заканчивается примечаниями (в силу своей лапидарности отнюдь не обременительными для любознательного читателя) и указателем имен. Из работ Менделеева, кроме «К познанию России», включены также «Дополнения к познанию России», две главы «Заветных мыслей», раздел «Мировоззрение», предназначенный для «Заветных мыслей», но в итоге туда не включенный, «Об условиях развития заводского дела в России», параграфы 9–11 «Учения о промышленности», «Оправдание протекционизма», «Приемы естествознания в изучении цен» и «Два публичных чтения о спиритизме».

Вступительная статья написана энергичным пером публициста, всей душой любящего своего героя. Однако, как это часто бывает, публицистические амбиции автора совершенно не подкреплены соответствующей научной подготовкой.

Во-первых, в статье (как и в нечастых редакторских примечаниях, см., например, с. 368) отсутствуют ссылки на упоминаемую и цитируемую литературу и вообще какой-либо список литературы. Более того, текст статьи, особенно рассуждение об открытии периодического закона, наводит на мысль, что автор довольно плохо (чтобы не сказать резче) знаком с современной менделеевской наукой.

Его манера изложения, вполне приемлемая для дешевых (во всех смыслах) газет и журналов, совершенно неуместна в «научном издании». Возможные возражения редакции, — дескать, мы не «Наука», у нас другой стиль, — не могут в данном случае быть приняты во внимание, ибо тогда редакция должна честно расставить все точки над *i*: наше издание — не научное, а ознакомительное для... Вот тут-то и возникает вопрос — для кого? Специалисту оно не нужно, а неспециалисту требуются развернутые комментарии к отнюдь не легкому менделеевскому тексту.

Во-вторых, статья поражает количеством фактических ошибок, неточностей и опечаток. Вот лишь некоторые из них. Элемент скандий был открыт не Вильсоном, а Нильсоном (с. 9) (кстати, в научном издании не помешало бы указать и год открытия этого элемента!); «деловые люди» из предков Менделеева по материнской линии носили